

НАЙТИ СЕБЯ
ШАГНУТЬ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ
СТАТЬ ПОБЕДИТЕЛЕМ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ РЕЙД
СУМРАЧНОЕ ДНО
ПРЕОДОЛЕНИЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ПРИЗРАЧНАЯ ПОГОНЯ
РОЛЬ ЧУЖАКА

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Юрий Иванович

РАБ ИЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Книга девятая

РОЛЬ ЧУЖАКА

ЭКСМО

МОСКВА
2015

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
И17

Оформление серии *С. Шикина*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете *Г. Дзямко*

Иванович, Юрий.

И17 Раб из нашего времени. Книга девятая. Роль чужака : [роман] / Юрий Иванович. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Русский фантастический боевик).

ISBN 978-5-699-79143-9

Легендарный «Раб из нашего времени» Борис Ивлаев наконец-то отыскал своих подруг на просторах мира Трех Шитов. Но как показаться им в том виде, который он обрел в результате невеселых своих приключений? Разве может быть этот лысый, покрытый шрамами мужчина их старым другом и любовником! Вот и решил Борис для начала осмотреться. Тем более что война со зроаками продолжается, и нельзя сказать, что доблестные войска императрицы Марии Ивлаевой-Герчери одерживают над ними блистательные победы...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-699-79143-9

© Иванович Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Глава первая

ГЕРОИ И ТРАГЕДИИ

Посыльный ввалился в светлицу с таким грохотом и напором, словно штурмовал личную спальню императора зроаков. И дверь чуть не вынес, и сапогами топал, и шпорами звенел, и всем остальным железом на себе гремел о косяки, словно делал это специально. Ещё и кричать начал что-то, наверняка считая, что без его срочного сообщения мир рухнет в тартарары, не иначе.

Тем более он поразился оказанной ему встречей. Рот его заклеило нечто ватное и тягучее, мешая даже выдохнуть. Два личных телохранителя императрицы метнулись к посыльному беззвучными молниями и не просто остановили или сбили с ног, а приподняли над полом и прижали к себе. А главный воевода эйтранов, Юлиан Некрут, уже стоял почти рядом, заноса кулачище для внушительного удара по лбу. Просто чудо, что он успел расслышать в наступившей тишине шёпот главнокомандующего имперскими войсками Апаши Грозовой:

— Юлий, стой!

Ну, он и сдержал кулак ценой неимоверного усилия. Зато теперь сам зашипел в лицо растерянного, задыхающегося воина:

— Если ты разбудил императрицу, я тебя!.. — Похоже, он всё-таки хотел завершить удар. Хотя бы несильно, но настучать по лбу слишком ретивому посыльному. Но Апаша уже стояла рядом, движением ладошки забирая с лица прибывшего магический кляп и делая строгие наставления максимально тихим голосом:

— Тише! Ты не на пожаре! Соображать надо, капрал, прежде чем в верховную ставку так врываться! И как ты только прорвался?..

Бурно задышавший капрал с хеканьем попытался объяснить:

— Так я... бегом! Не успели... сбить...

— А-а! Ну, тогда понятно. Но всё равно наружная охрана будет наказана. Мария двое суток не спала, с ног валится, всех предупредили, чтобы даже вне дома не шумели, а ты!..

Воина, который ко всему ещё числился личным ординарцем полковника егерей, уже поставили на пол, и весь его вид выражал такое крайнее раскаяние и печаль, что Юлиан спрятал свой кулак за спину и проворчал:

— И кто вас таких инициативных и шумных рождает, а? — На то, что капрал не совсем чист, покрыт пятнами крови, пыли и весь в боевых отметилах, он старался не обращать внимания. Хотя как раз этого посыльного с огромным нетерпением в ставке ожидали уже несколько часов.

— Что хоть за новости ты принёс? — спросила Грозовая, возвращаясь к столу и жестом увлекая посыльного за собой. — Только шёпотом докладывай.

Выглядел капрал карикатурно, когда двинулся за ней на цыпочках, всё равно при этом позвякивая шпорами. Тут уже главный воевода ухватил парня за плечо и приказал с приглушённым рычанием:

— Стой лучше на месте! И докладывай, не тани. Что там с вашими?..

Вот тут и скрипнула дверь из спальни, выпуская на свет Марию Ивлаеву-Герчери. Хмурая, осунувшаяся, с тёмными кругами под глазами и заметно похудевшая в последние дни, она только одним своим видом вызвала стон у Апаши Грозовой, ещё большее рычание у Юли-

ана Некрута и лязг зубов у ретивого капрала, попытавшегося встать смирно.

Императрица прошла к столу, уселась и сразу потянулась к горячему чайнику. Наливая себе в кружку крепкий чай, без всякого раздражения или досады просветила окружающих:

— Зря на парня вы тут шипели. Я уже и не спала... Сон дурацкий приснился... Представляешь... — Она полуобернулась к главнокомандующему и доверительно продолжила: — Вначале какое-то жуткое сражение с взрывами и реками крови, а потом чей-то гнусавый голос начал мне твердить, что мои приказы не выполняются, пленных тайланцев убивают самыми изуверскими способами. А? Как тебе такой кошмар? Или это неспроста?

Апаша грузно уселась рядом, но не спешила отвечать на вопрос. Вместо этого попыталась подсунуть Марии стакан с соком. При этом её черты, тон и легендарная стальная выдержка неожиданно сменились мягкими чертами заботливой, исстрадавшейся матери:

— Может, лучше фрукты? Или булочку с маслом?.. А то от крепкого чая ты вон и так не спишь. А потом кошмары снятся... — Смутилась под укоряющим взглядом Ивлаевой, вспомнила, что они не одни, и вновь мгновенно изменилась. Подобралась, расправила плечи, взгляд окаменел, и вновь стала той самой «грозой всего и вся», что возникает и мешает на пути молодой империи. И рассуждать стала деловито:

— Любой сон, особенно тебе, — это знак свыше. Так что немедленно надо проверить. Хотя в последние дни к нам в плен тайланцы не попадали. А те, что есть, под строгим учётом и контролем...

Тут со стороны героя-посыльного раздался несмелый кашель, коим он пытался привлечь к себе внимание. Привлёк. Императрица так на него взглянула, что он

без единого приказа из её уст зачитал словами доклада, ради которого и прибыл в ставку:

— Попытка нашего егерского полка прорваться через Борнавские долины на Грохву и далее на соединение с войсками Леснавского царства не удалась. Лошадей захватили достаточно для формирования полноценной колонны, но навстречу враг двинул элиту своей рыцарской конницы, усиленную сотней тяжёлых рыцарей тайланцев, которые вели тыловое прикрытие колонны. Получилась западня, в которой полк заперли с двух сторон. В лоб нас атаковали шестьсот, а с тыла двести рыцарей. То есть противник численно превосходил нас вдвое, достигая общего количества в восемьсот особей...

Императрица прервала посыльного звоном колокольчика и выкриком:

— Секретарь! — И тут же приказала докладчику: — Продолжай! — Но стоило видеть, насколько горькая печаль омрачила не только её осунувшееся личико, но и лица всех присутствующих в комнате. Все однозначно предположили только одно: полк егерей в четыреста двадцать отборных универсальных воинов перестал существовать. И теперь все с нарастающей тоской готовились выслушать подробности. А на лихого капрала поглядывали так, словно он единственный остался в живых из всего полка.

— ...соотношение потерь таково, — продолжил с неуместным задором посыльный. — С нашей стороны сто пятьдесят три человека убитых, более ста раненых, жизнь которых уже вне опасности, помощь им оказана на этой стороне гор Велеса. Сказалось своевременное решение командира полка, который дал приказ двум с половиной сотням егерей незамедлительно разворачиваться и прорываться назад. Отряд прорыва справился с задачей, уничтожив колонну людоедов в тылу, но сам при этом понёс тяжелейшие потери в количестве

восемьдесят двух павших. Но основное сражение произошло во время фронтального столкновения на линии основного удара. Там развернуться в широкую цепь мешала узкая дорога и не совсем пригодные для конного манёвра обочины...

Считать хорошо умели все. Поэтому быстро отняли, сложили и умножили, получив в уме совсем уж нереальное соотношение: в лоб колонну зроаков в шестьсот рыцарей атаковали всего лишь сто семьдесят егерей. И среди них пало семьдесят. Значит, по всей видимости, остальные своевременно отступили. Только как они тогда смогли захватить с собой «более ста» тяжелораненых товарищей? И ведь наверняка многие имели лёгкие ранения, при которых оказывать помощь кому бы то ни было проблематично. Не так ли? Тогда какими силами и каким чудом эти легко раненые ещё сумели оторваться от погони? В придачу скрыть все следы своего выхода через тоннель на ту сторону гор? Потому что последнее считалось обязательным условием для полковника, угворившего императрицу и главнокомандующего дать ему разрешение для грандиозного рейда по тылам врага.

По этой причине Апаша Грозовая не смогла смолчать, прерывая посыльного:

— Капрал! Я правильно поняла: тайна тоннеля зроаками раскрыта?

— Никак нет, госпожа командарм! — постарался тот по-молодецки расправить плечи. Не тушевался, однозначно считая себя героем, лично принимавшим участие в таком эпохальном сражении. — Вчера вечером полк организованно отошёл к горам. Потом в наступившей темноте сместился к выходу тоннелей на поверхность и при помощи интендантских рот обслуживания тоннелей быстро эвакуировал внутрь раненых, тела наших погибших товарищей, захваченных пленных и самые ценные трофеи...

Тут уже сама императрица не выдержала:

— Какие трофеи?! — а главный воевода эйтранов вторил ей, словно эхо:

— Какие пленные?! — и только Грозовая сделала логическое предположение:

— То есть основная колонна людоедов повернула вспять и сбежала с поля боя?

— Никак нет! — еле скрывая радостную улыбку, рявкнул капрал. — Основная колонна врага уничтожена почти полностью. С поля боя, по разным оценкам, сумело уйти не более двух-трёх зроаков.

Такому вообще никто не мог поверить. А Юлиан Некрут, так и не севший за стол, опять сжал кулак:

— Ты не умеешь делать доклады или специально над нами издеваешься?

— Только не надо горячиться! — тут же встала на защиту воина Мария Ивлаева. — Мы сами не даём ему толком высказаться и сбиваем своими вопросами. Давайте помолчим и выслушаем до конца. Рассказывай!

Стоило видеть, с какой благодарностью и восторгом воин смотрел после этого на императрицу. Он-то её и раньше боготворил, но сейчас видно было: поглупел от счастья и высочайшего доверия находиться так близко и общаться с самой дочерью богини Герчери. Но слова дальнейшего доклада из него и дальше вылетали вполне связные, дельные и рассудительные.

По ним получалось, что полк егерей спасли две вещи. Сообразительность его командира и некие неразгаданные чудеса.

По первому пункту всё казалось удивительным, но хоть объяснимым. Полковник, всегда отличавшийся своей невероятно развитой интуицией, можно сказать звериной, заранее и довольно точно прочувствовал место главного столкновения с противником. Поэтому отослал вперёд только двадцать добровольцев, которые

и ринулись колонной за ближайший поворот. Тогда как все остальные, универсальные воины, быстро спешили и успели занять весьма удобные позиции на склонах окружающих дорогу оврагов. Авангард вступил в рубку, почти сразу потеряв десять человек. Остальные сумели развернуться, уводя всю колонну людоедов за собой. И вот там врага встретили рухнувшим градом стрел. Ведь егеря изначально умели в десять раз лучше стрелять из луков, чем атаковать в конном строю тяжёлой кавалерии. В итоге дорога оказалась покрытой грудой окровавленной плоти, в которой легли чуть ли не три сотни элитных воинов империи Гадуни. Причём путь оказался совершенно непроходим для верховых. Поэтому в какой-то момент лучники остались без работы. Никто из-за поворота больше не показывался, а грохот боя за ним нисколько не ослабевал.

Хоть это и было очень рискованно (стрел фактически больше не осталось), полковник приказал подчинённым выдвинуться ближе к противнику, непосредственно по гребню холмов. Вот тогда все и увидели необъяснимое чудо, которое растолковалось позже только частично. Второй участок дороги и все буераки вокруг него тоже оказались завалены трупами зроаков в общем количестве где-то под двести пятьдесят особей. Только и пришлось лучникам уничтожить десятка два подранков. Да чуть позже ходить с ножами и со слезами на глазах добивать несчастных покалеченных лошадей, коих в сумме было тоже за две сотни.

А вот третий участок дороги, за вторым поворотом, к тому времени уже прочно оседлали лысые тайланцы, которые встали на пути людоедов, пытающихся покинуть поле боя. То есть та самая сотня бывших предателей, которая решила искупить свою вину кровью, нанеся неожиданный удар в спину врага всего человечества.

Сами тайланцы соответственно понесли внушительные потери, около сорока погибших и тридцать тяжело-раненых, но свои позиции отстояли. Они же в основном потом и транспортировали своих раненых, помогали собирать трофеи и пытались дать объяснение тому, что и почему творилось на среднем участке дороги. Сами они толком не видели ничего, как и егеря, но утверждали только одно: зроаки сцепились друг с другом.

Дальнейшие вопросы и ответы казались до банальности простыми. Почему сцепились-то? Сошли с ума. С какой стати потеряли разум? По вине нескольких Трёхщитных из их состава, которые использовали неправильно какое-то страшное заклинание. То есть виновато заклинание? Несомненно! Носители щитов просто «не донесли» заклинание до места основного сражения и «уронили» среди своих. А почему такие страшные раны у рыцарей и лошадей? Так Трёхщитные тоже с ума сошли, вот и начали вокруг себя всё уничтожать огненными эрги'сами огромной силы.

Вот и получилось, что если бы не данная счастливая случайность в рядах самих людоедов, от полка егерей мало что осталось бы. И так потери выглядели не маленькими. Но исходя из того, как оно было на поле боя, в западне, капрал имел все права радоваться за себя, за своих товарищей и за своего командира. А уж по соотношению потерь — всего сто пятьдесят три у себя, на более чем семьсот у врага — каждый егерь тотчас становился вровень с самыми легендарными героями.

Как только капрал окончил и приготовился отвечать на заготовленные в большом количестве вопросы, Мария первым делом кивнула давно стоящему в дверях секретарю. А пока тот подошёл к столу, пожаловалась Апаше:

— Ты права, сон в руку. Вон сколько пленных появилось у нас. Не удивлюсь, если к тяжелораненым тайлан-

цам кто-то и отнесётся с предубеждением. Поэтому! — перевела она взгляд на секретаря. — Хватай всех наших целителей и мчитесь к тоннелю. И пусть немедленно заковывают в кандалы тех, кто не успел или не захотел оказать помощь раненым. Бегом!

Затем тяжело вздохнула и уставилась на посыльного. Позволила себе вымученно улыбнуться, прежде чем заявить:

— Конечно, потери у вас всё равно страшные. Предпочла бы не знать о мёртвых зроаках, но видеть всех твоих товарищей среди живых... Но вы всё равно герои! И каждый из вас получит щедрую награду из моих рук. Так и передай всем своим однополчанам. Да и сама я скорей всего туда отправлюсь... м-м, часа через два.

Она не заметила, как Апаша Грозовая многозначительно переглянулась с Юлианом Некрутом и оба одновременно покачали отрицательно головами. Никуда они императрицу отпускать не собирались, пока она не выпится. Только ещё пока не могли сообразить, как это сподручнее сделать, как заставить строптивую дочь богини лечь и уснуть. Тем более, если все целители, могущие незаметно усыпить императрицу, уедут немедленно из ставки.

Поэтому главный воевода эйтранов направился к выходу, увлекая за собой капрала со словами:

— Идём, вначале перекусишь и заодно мне некоторые подробности расскажешь... А! И вы тоже пока снаружи постойте! — это он телохранителей вывел из светлицы.

А когда дверь за ними закрылась, Апаша уже не стала церемониться и выбирать выражения:

— Да сколько можно тебя уговаривать?! Ты ведь скоро ходить от усталости не сможешь! Так и умереть недолго!

И тут же была ошарашена ответными действиями Марии. И не просто ошарашена, а на некоторое время окаменела от неожиданности. Девушка вдруг придвинулась к грозной воительнице, прильнула к её груди и истошно зарыдала. Только после минуты сотрясающее-ся тело выдало несуразные фразы:

— А зачем жить?.. Если меня никто не любит?..

Розовая чуть глаз не лишилась от услышанного, настолько те вылезли из глазниц. И вначале даже задохнулась от возмущения. Как такое можно сказать?! Ведь Марию любили, обожали все подданные империи! Каждый готов был за неё жизнь отдать! Да и с мужской точки зрения самые лучшие, самые великие воины были готовы по малейшему знаку вырвать у себя из груди сердце и вручить его своей повелительнице.

Но через минуту интенсивного размышления главнокомандующая поняла, что не в этом дело. Не о той любви причитала молодая Мария Ивлаева-Герчери. Скорей всего, она ждала выхода другой, именно своей любви, которая теснилась в её сознании и рвалась на свободу.

Но полюбить императрице было некого. Пока...

Глава вторая

ПАГУБНЫЕ ПРИСТРАСТИЯ

Я никогда в жизни не курил. Даже не пробовал. Вначале был маленький. Потом в десять лет стал инвалидом. Чего ж себя ещё и дымом травить? Да и среди родных никто не курил, так что положительных примеров хватало. Подруги-защитницы сами не курили и мне бы не дали, возжелай я побаловаться дымком. В школе тоже везло: на меня никто внимания не обращал, так что пристраститься к пагубной привычке было не с кем.

Поэтому весьма странным мне показался сон, в котором я курил. Что это сон, я понял сразу, потому что там было целых две не уместающихся в сознании вещи: я курил не один (это был первый нонсенс, но ещё как-то мог уложиться на подсознание), я курил в компании с моей мамой. А это уже вообще ни в какие ворота не лезло!

Причём курили мы по очереди: вначале мать втягивала дым из большой индейской трубки, потом мне её передавала. Тогда я втягивал много дыма, ничуть не закашлявшись и не поперхнувшись. Причём дым казался невероятно вкусным, пах копчёными колбасками, черносливом и абрикосами одновременно. И уж никак не походил на ту вонь, которой иногда меня окутывало на улице от впереди идущего по тротуару курильщика.

Вот я и подумал (во сне), что этот сон вещий. Надо будет его только запомнить хорошенько, как остальные я помнил, а потом смотреть и ждать, когда он сбудется. Логика мне подсказала, что такое не сбудется никогда, и подкинула идею:

«Подобная чушь тебе снится по причине твоего нового, честно говоря, совсем уж идиотского имени. И раз ты назвал себя Чингачгук, то тебе положено будет курить трубки мира до самой смерти».

Курить «до смерти» не хотелось. По этой причине очередная затяжка мне не пошла, спазмы сдавили горло, я стал задыхаться и... проснулся.

Открыл глаза. И замер, рассматривая странного типа, застывшего от меня лицом всего лишь сантиметрах в тридцати. Если так прикинуть, то он весьма напоминал меня недавнего: покрасневшая лысина на голове с несколькими порезами, шишками и потертостями. Лоб, скула и бровь рассечены, покрыты сукровицей. Нос распухший, вправленный после перелома. Губы тоже распухшие, в двух местах лопнувшие. Не красавец, в об-